

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ, УХОДЯЩАЯ С ЖИЗНЬЮ

Наталья Ивановна Баранова родилась и живёт в Тамбове. Окончила Московский государственный институт культуры, по образованию библиотекарь-библиограф. Публиковалась в журналах «Москва», «Подъём», «Берега», «Александр», «Охотничьи просторы», «Петровский мост». Автор двух книг прозы: «Злокачественная форма одиночества» и «Жизнь прекрасна». Член Союза писателей России. Фотограф. Выставки фотографий проходили в Москве, Тамбове, Волгодонске, Мичуринске, Котовске, Звёздном городке, Израиле, фото публиковались в журналах. Член Тамбовского фотографического общества.

Дед умирал. Мой сильный, неутомимый дед. Соседка звала нас телеграммой: «Приезжайте, дед отходит».

Он долгие годы — после смерти нашей бабушки — жил один, считая, что старость обременительна, и не хотел никому мешать. Сколько упрашивали, отказывался переезжать в город к детям или к нам, своим внукам. Всегда говорил: «Где родился, там и сгодился». За дедом ухаживала соседка — хлеб принести, сигареты, а с нехитрым домашним хозяйством справлялся сам. Трудно было, но привык. С фронта он вернулся инвалидом, ногу ампутировали в самом конце войны. Уже все вернулись домой, а он всё лежал в госпитале. Бабушке потом пришлось его выхаживать. Так и жил, прыгая по дому на одной ноге, редко цепляя протез, да и то когда выходил во двор. Отсутствие ноги не мешало ему радоваться жизни.

Хотелось ещё раз увидеть деда, если удастся — поговорить, поэтому мы решили ехать на машине, так будет быстрее. Выехали в ночь, рассчитывая, что к утру будем на месте. Всю дорогу я рассказывал жене, каким был дед.

— Почему был? — поправила меня Ольга. — Есть! Ты же всегда говорил: дед бессмертен; и пока не увидишь его недвижимым, не поверишь.

— Дед бессмертен, даже если помрёт. Представляешь, у него девять детей, двадцать четыре внука и тридцать шесть правнуков. Праправнуки не поддаются подсчёту.

Я говорил, а сам не верил, что дед «отходит», как написала соседка.

— Столько детей! — удивилась жена.

— Да, и это те, которые выжили. Раньше ведь как было — многие умирали в младенчестве, не дожив до года. И эти дети только от моей бабушки.

— Что значит — от твоей, а что, есть ещё и другая бабушка? Я деда совсем не знала, он для меня был немощным, безногим старичком, который вечно сидел на кровати, а ведь за ним целая жизнь, события, люди... да просто история. Уйдёт он, уйдёт его мир.

— Я тебе никогда не говорил, — мне вдруг захотелось закурить, хотя за рулём, да ещё ночью, я себе такого не позволял. — У нас в семье это была закрытая тема.

Но теперь, когда нет бабушки и скоро не станет деда, я могу рассказать. До войны деревня была большая, мужиков много, но дед на их фоне выделялся. Мало того, что был самый грамотный — ветеринар, так ещё и самый видный. Гармонист — первый парень на деревне. Добавь сюда косую сажень в плечах, буйный чуб и чувство юмора. От девок отбоя не было.

— Представляю, как твоей бабушке трудно жилось, — жена примерила ситуацию на себя.

— И в деревне ведь ничего не скроешь. Да он особо и не скрывал свою вторую семью.

— Что значит — вторую?! И бабушка терпела? Ну, вы сволочи, мужики, — возмущение жены было настолько сильным, что она отвернулась от меня и стала смотреть в окно. За стеклом было темно, мы проезжали какую-то деревушку, по улице не было ни одного фонаря. Темень, скука... всё, как и много лет назад. Ну, вот что делать в такой деревне? Только любить. Я так и сказал Ольге:

— Вот дед и любил. Многих, наверное, любил, но дети были только в двух семьях. Бывало, не придёт он с работы, а они уже знали, где его искать. Анька была старше и отчаяннее. Мать рассказывала. Пойдут они к дому Дуськи — её Дуськой звали — смотрят в окно, а там шторкой занавешено, но маленький уголок свободен. Так вот в этот уголок видно, как отец сидит на

полу и играет с детьми — мальчиком и девочкой. И такая злость их заберёт, что Анька однажды не выдержала и засветила каменной в стекло. Звон! Крик! И с Маруськой — сестрой помладше — бегом в ближайший овраг, в бурьян кубарем. Лежат, затаились, трясутся. Отец выйдет на крыльцо и кричит: «Анька, Маруська, выходите, я знаю — это вы!» Но никогда не ругал их за это. А потом началась война. Всех мужиков призвали, а деду дали бронь, как единственному специалисту на весь район. Представляешь, что чувствовала бабушка? Всех забрали, только он один живёт в своё удовольствие — на две семьи. И она не выдержала, пошла и заявила, чтоб его забрали на войну. Нечего такому здоровому мужику отлынивать от фронта. И его забрали.

Ольга смотрела в темноту за окном; я видел: по лицу текли слёзы.

— Ты чего? Чего так разволновалась? Это было в другой жизни и не с нами.

— Бабку твою жалко... сильная женщина. Столько лет терпела, а тут не выдержала. Да не доставайся ты никому! И он тоже... ведь вернулся к ней после войны. Наверное, всё-таки любил. Мог и в другую семью уйти... или вообще не вернуться. Так многие делали — пропадали без вести. Находили новые семьи, в старые не возвращались, — она всё ещё смотрела в окно, но уже начала успокаиваться.

И я вспомнил... Как-то в горячке ссоры бабушка в сердцах сказала: «И зачем вернулся? Один раз отрыдала бы — и всё». Только теперь я понял её слова.

— Дальше-то что было? — Ольга опять развернулась ко мне.

Ехать было ещё далеко, чтобы не заснуть за рулём, надо разговаривать. И я стал вспоминать обрывками, что рассказывала мне мама про эту семейную историю.

— Дальше? Бронь с деда сняли, забрали в армию... Сколько-то дней он был на станции, что в двух десятках километров от деревни. Бабушка ходила туда к нему пешком, носила еду. Потом он воевал... она с детьми пыталась выжить. Детей было четверо, это те, что родились до войны. Вторая семья жила на соседней улице, на другом краю деревни, и тоже бедствовала. Там было двое детей, ещё маленькие. И вот как-то бабушка заболела и лежала на печи. Раньше все хвори выгоняли баней и теплом. Лежит, охает, тут является соседка, пришла поведать и принесла новости. «Слышь, — говорит, — Матрёна, а Дуська-то с мальми ребятишками бедствует. С голоду дети-то пухнут». И расписывает бедственное положение соперницы. Бабушка молчала, крепилась, крепилась, а потом кричит: «Маруська! Возьми в погреб ведро картошки... отнеси этим-то». Она их даже никогда по имени не называла. А Маруська

как бы и не слышит. Тут бабушка осерчала — а она могла и матом разговаривать, резкая была — да как закричит: «Глухая, что ль, а ну неси картошку этим супостатам!» Представляешь, сами голодные, а соперницу пожалела. Не её, конечно, а детей его.

— Что дальше было? — жена уже не смотрела в окно, а внимательно слушала.

— А ничего. Так и жили по разные стороны деревни. Каждый своей жизнью. Ждали конца войны — и мужа. Одна ждала законного, другая любимого. Но уже в самом конце войны та, вторая, семья уехала из деревни. Погрузили узлы на подводу и уехали. Бабушка не видела, это опять соседка пришла, рассказала. Наверное, ей какое-то время стало легче жить, но, когда дед не вернулся ни в мае, ни в сентябре, — он в это время в госпитале лежал — бабушка решила, что муж выбрал вторую семью. Не знаю, как она это пережила...

— Думаю, для женщины это страшный удар. Лучше бы убили, — тихо сказала Ольга.

— Не знаю. Про это никто не говорил в нашей семье. А бабушка надеялась, даже ходила к гадалке. Та ей сказала: «Жди. Он на пороге». И ночью стук в окно. Пришёл! Не обманула гадалка, — я замолчал, вспоминая, как бабушка с особым чувством рассказывала именно этот эпизод.

Наверное, чувство победы над соперницей радовало. Вернулся! К ней!

— А дальше? Что было дальше? — жена с таким интересом слушала эту историю, как будто смотрела кино.

— Ну что дальше? Стали жить-поживать и детей наживать. И нажили ещё пять человек. Дед с войны хоть и пришёл инвалидом, но сила мужская в нём осталась. Уже совсем старым, телом старым, но не душой, он просил жену: «Ну, Мотя, ну, покажи сисечку». Представляешь, сидит такой старенький дед, одна нога свешивается с кровати, рядом стоит ведро для ночных нужд, но он всё ещё мужчина. И всю жизнь от Матрёны ни на шаг не отходил. Наверное, в благодарность, что выходила его после тяжёлого ранения. А ведь он и правда не хотел возвращаться... Зачем в семье калека? Привык быть сильным, а тут выходило, что ещё одним нахлебником сядет на шею жены.

За окном уже светало, ехать оставалось чуть больше часа. Когда мы вошли в комнату, дед не выглядел «отходящим», соседка переборщила в телеграмме. Он сидел на кровати в чистой рубашке — по случаю ожидания гостей на его похороны — и улыбался.

— Привет, Санёк! Ты будешь первым, кто сильнее всех огорчился моей кончиной. Проходи, обними деда, — сказал он, протянув руки мне навстречу.